

8-СВЯТОЧНЫЕ РАССКАЗЫ

ЖУРНАЛИСТ АНДРЕЙ ФЕФЕЛОВ ДЕЛИТСЯ НЕОБЫЧНЫМИ ИСТОРИЯМИ

Автор этих строк в течение десяти лет каждый год к святочной неделе готовил небольшие рассказы для друзей и близких. Все эти истории, хоть и содержат элементы мистики, взяты непосредственно из жизни и в целом абсолютно правдивы, то есть не являются литературным вымыслом.

В ПАРИЖЕ

Эту историю я услышал ещё в детстве от очень близкого нашей семье человека — драгоценной тёти Маки — Валерии Игоревны Вац. Речь идёт о конце 1950-х годов. Юная Мака только что устроилась на работу в "Иновещание" и вела радиопередачи на французском языке, ибо прекрасно говорила по-французски. Её родной дедушка был французом, и с детства она читала романы Бальзака, Гюго и Дюма в оригинале. Мака была пронизана французской культурой и многое знала про Париж — столь манящий и столь недостижимый...

Но вот случилось невероятное. "Железный занавес" ослаб, и первая делегация советских радиожурналистов была приглашена во Францию. Конечно, делегация состояла из мэтров и заслуженных работников станции. Однако кто-то из группы неожиданно заболел, и туда вписали нашу Маку, в пример продвижения и поощрения молодых перспективных кадров.

И вот невидимые руки подхватили её за тонкую талию, и она — в достославном и баснословном Париже! Не было меры её восторгу и счастью, она готова была целовать каждый камень... Она побегала по Парижу, переполненная радостью и головокружительным счастьем. Всё то, что она видела на открытках, предстало пред её очами. Набережные Сены, бульвар Капуцинок, Лувр, Дом инвалидов, Нотр-Дам и Сакре-Кёр — все это замелькало, закрутилось перед глазами Маки, которая летела по городу в бесаматстве и эйфории. Это был совершенно другой мир, в котором ещё дышало очарование старой Европы. Это была другая система, блещущая старинной праздничной роскошью, не похожая на аскетичные будни советской жизни. Всё было так знакомо и так восхитительно ново...

Но в какой-то момент, немножко утомившись от своих восторгов, от своего бега, от обилия впечатлений Мака вдруг остановилась и посмотрела на себя со стороны. Смешная экзальтированная туристка, прибывшая из далёкой страны. А между тем она мало чем отличается от жительниц Парижа. И по одежде, и по языку. Если не бежать, открыв рот, от одной достопримечательности к другой, то возможно, окружающие примут её за парижанку. Эта мысль показалась ей очень заманчивой и таинственно сладостной. Мака решила перестать быть восторженным наблюдателем и слиться с этим городом, стать его частью... Для этого она зашла в какое-то крохотное кафе, которое попалося по пути, не принуждённо поздоровавшись, села у большого окна за столик и попросила кофе.

Быстро жило своей обычной жизнью, такой непритязательной и будничной. В центре за столиком сидел пожилой господин. Он курил и читал газету. На стене тикали часы, у барной стойки стоял гарсон и молча протирал тарелку белым вафельным полотенцем. В какой-то момент Мака показала, что её место около окна слишком витринное, слишком заметное, и она по-прежнему обращена взглядом и мыслями к происходящему на улице, к заманчивому мельтешению и звукам города. Поэтому она взяла свой кофе и пересела вглубь полутёмного, прохладного помещения кафе.

И в эту секунду Мака почувствовала именно то, к чему стремилась. Никто не обращал на неё внимания, принимая за обычную посетительницу, возможно, живущую в соседнем квартале, студентку. В какой-то момент в кафе вошла молодая девушка, чем-то похожая на Маку. Она села за столик, за которым только что пребывала Мака, заказала себе кофе и достала из сумочки журнал.

Этот другой мир в своей статичности и обыденности стал таким близким и понятным. Он покориł Макино сердце, и само время в какой-то момент остановилось.

Время остановилось для того, чтобы свершилось невозможное, страшное событие. В момент, когда Мака сладостно замерла, таинственно слившись с будничной повседневностью, раздался усажающий лязг и послышался грохот. Тяжёлый грузовик, не вписавшись в поворот узкой улицы, на скорости прололмил витрину кафе и снёс столик с сидящей за ним девушкой. Случилось непоправимое! Мака была потрясена увиденным. Она впервые видела смерть, и эта смерть была насильственной и такой нелепой... Несколько минут назад она сама сидела за этим столиком, стало быть, смерть приходила за ней?

Всё смешалось в голове бедной Маки, и она снова помчалась по вечернему Парижу, только от прежних

утренних восторгов не осталось и следа. Кругом зарождались неведомые огни. В смятении чувств она неслась по неизвестным улицам чужого города, теряясь и путаясь в его тёмных лабиринтах. Она слышала вокруг какие-то странные чужие наречия, встречала незнакомых людей с холодными потусторонними глазами. Она бежала прочь от жестокой абсурдности этой жизни, не помня себя, не понимая вообще, что происходит вокруг. В какой-то момент она увидела в витрине ресторана светящуюся лампу в стиле модерн. Эта лампа манила волшебными разноцветными стёклами — мерцала рубиновыми, янтарными, изумрудными отсветами. Похожая лампа стояла в спальне её бабушки, и маленькая Мака, бывало, замирала, приблизив детское лицо к магическим стёклам.

Мака, недолго думая, забежала в это заведение, села за столик и заказала себе хорошую порцию какого-то экзотического блюда. Надо знать тёту Маку — женщину, похожую на натянутую струнку. Я представляю, насколько она была тонка и стройна в свои молодые годы. И вот эта тонкая юная девушка села за столик и принялась заказывать себе блюдо за блюдом, поскольку на неё напал нервный жор. Она ела и ела в каком-то иступлении и неистовстве. Не помня себя, она заказывала ещё и ещё...

Съев очередное экзотическое блюдо (возможно, это были улитки или даже лягушки), Мака вдруг пришла в себя и осмотрелась вокруг. Она сидела в огромном полутёмном зале роскошного ресторана. На потолке располагался великолепный плафон, расписанный античными фигурами. Дубовые столы были покрыты белоснежными скатертями, на каждом стояло по светящейся волшебной лампе от Тиффани. Почти все столы были пусты. В гигантской зале находилось от силы пять-шесть человек гостей. По помещению беззвучно носились официанты в белоснежных манишках.

Оценив обстановку, Мака поняла, что забежала в очень дорогой ресторан. Что ж, увидев в это утро мифический Париж, встретившись со смертью, которая кралась за ней по пятам, испытыв впервые глубину экзистенциального ужаса и вселенского одиночества, она вдруг молодую затрепетала при мысли о счёте, который ей здесь предъявят к оплате. Так устроен человек! Париж и смерть отошли на задний план.

Мака поняла, что у неё есть всего лишь пятнадцать франков. Это треть суммы, которую выделило советское государство молодому специалисту, поехавшему в командировку. Остальные деньги были потрачены ещё утром. Картина была ясна: сейчас придётся официант и предъявит космический счёт. Она, естественно, не сможет заплатить. Далее случится страшный позор: вызовут полицию, препроводят Маку в участок и составят протокол. Во французских газетах напишут, что советская туристка объела дорогой ресторан, поскольку в России голодают. Естественно, об инциденте сообщат в посольство СССР и руководству "Иновещания". Карьера её будет бесслвно закончена, её вышибут с работы и уже никогда, никогда в своей жизни она не попадёт в Париж. С этими невыносимыми мыслями Мака, набрав воздуха в лёгкие, попросила счёт. Флегматичный официант вместо счёта принёс бутылку шампанского и сказал: — Мадемуазель, ваш счёт оплачен. А вино — это подарок...

— Как?! Кто и почему оплатил мой счёт? — А он, видите, там сидят два весёлых молодых человека и подают вам знаки. Они заключили между собой пари. Один говорил, что вы ни за что не съедите те блюда, которые заказываете в таком количестве. А другой, напротив, был в вас уверен, ведь вы же сами знаете свои возможности... Проигравший обязался заплатить за ужин, который съела мадмуазель, и в довесок презентовать ей бутылку хорошего вина...

ЮЖНАЯ ДАКОТА

Эта история произошла со мной в декабре 2019 года. После бессонной ночи, сдачи номера газеты "Завтра", двух совещаний и одного долгого неприятного разговора я, желая восстановить силы, направился в "Чайку" — легендарный московский бассейн под открытым небом. Надо сделать свои "десять дорожек" и выйти из биурозовых зыбей "другим человеком" — наполненным жизненной энергией.

Однако коварное слово "надо" заведомо предполагает превосходство теоретического знания над волевым действием... Очутившись у края бассейна, я понял, что не смогу себя заставить нырнуть в воду — настолько я был измучен, раздражён и подавлен. Тогда я поплёлся в сауну, в которой сидели суровые "чайкеры" и обсуждали методы строительства частных домов, характеристики автомобилей и качество загородных пансионатов. Послушав эти разговоры, я направился в так называемый "каскад". Речь идёт о небольшом

мелком бассейне, в который с трёхметровой высоты сверзаются широкие потоки воды. Что-то древнеримское сквозит в самом принципе устройства этих искусственных водопадов.

Сидя в гулком помещении и прикрыв какие-то ревушим потоком, который своими тяжкими струями хлестал меня по спине, плечам и темени, я вдруг ощутил пространство, клубящееся вокруг меня... Это было небольшое помещение с жёлтыми лампами, а за его стенами — ледяная купель оконечной Москвы, погрязшей в бесконечной бесснежной депрессивной зиме. Злые сумерки сгущались над столицей, и город затвердевал в какой-то чудовищной бескрайней "пробке". В этих великих заторах, среди беспомощно гудящих и ползущих друг за другом автомобилей сверкали кое-где трепетные синие мотыльки маячков машин "Скорой помощи", безнадежно опаздывающих к месту назначения.

Образ этой иррациональной всеохватной каменяющей "пробки" сдавил меня ещё больше, дышать становилось всё труднее. Мне стало хуже, и я принялся лихорадочно искать слово или картину, которая сможет меня вытащить из этого чёрного базальта, оживить, приподнять и вдохновить. Кто и что может создать новую эпоху в душе моей?! Я стал припоминать какие-то образы, обрывки стихов, милые и дорогие мне лица, строки, цвета, цветы... Но ничто меня не трогало, не держивало перед моим внутренним взором. И вдруг я понял... Так отчётливо, так ясно и определённо я осознал, что мне нужно! Мне сейчас совершенно необходимо увидеть восход солнца!

И в эту секунду произошло нечто странное. Перед моим внутренним взором развернулась картина. Возникла она как умозрительный образ, но была явлена во всех графических и цветовых деталях.

Я нахожусь в какой-то нише, некоем углублении в скале. Справа от меня по каменному полу вьётся жесткое растение, напоминающее гибрид плюща и колючки... А передо мной стройные ряды гор, похожих на огромные ступени. Над этим странным горным голым ландшафтом фосфоресцирует необычного цвета розово-фиолетовое небо, а на самой кромке воздушной и горной стихий сияет тёплое, оранжевое, молодое солнце.

Внизу подо мной располагается тёмная синяя долина, в которой ещё царит ночь, но в пепельной мгле видна изогнутая лента шоссе, по которой в противоположном от меня направлении едет крохотный автобус. Ока его темны, но видны миниатюрные светлые конусы от фар на полотне.

Солнце поднимается выше, заполняет меня и окрестные горы царственным золотом. И я начинаю в голос смеяться от охватившего меня радостного восторга.

— Что это за место?! — восклицаю я в удивлении и счастье. — Это Южная Дакота, — отвечаю сам себе спокойно и уверенно.

И вот я сижу в "каскаде" и смеюсь всем на удивление. Вокруг меня весело грохочет вода. Прохаживаются серьёзные "чайкеры".

Скажу вам по секрету, что не силен в географии США. Я никогда не был на американском континенте, а про Южную Дакоту что-то слышал, но весьма смутно. Я даже не представлял, где именно она расположена.

Энергия восходящего солнца до краёв наполнила меня силой. Я бодро вышел из "каскада" и нырнул в бассейн, проплыв свои дежурные 500 метров. Добравшись до раздевалки, посмотрел в смартфоне, что за Дакота такая. Да, действительно, штат в США, расположенный на Среднем Западе. Большую часть территории этого малонаселённого штата занимает горный заповедник. Индейское племя, давшее имя штату, считало эти горы священными. Единственная не природная достопримечательность этого штата — вырезанные в скале колоссальные истуканы — головы отцов-основателей Соединённых Штатов.

Фотографии природного заповедника меня поразили. Именно эти горы я видел в "каскаде". Я даже увидел знакомое мне шоссе. То, которое я наблюдал с высокой точки.

Оставалось выяснить некоторые подробности про восход. Оказалось, что восход солнца в Южной Дакоте случился в 8 утра, в Москве же было 17 часов — то самое время, когда я сидел в "каскаде" и видел странные образы: горы, долину, фиолетовое небо и новорождённое светило...

СЫН НАБОКОВА

Эту историю около десяти лет тому назад поведала мне редактор тверского еженедельника "Караван", журналист Мария Орлова. Речь шла о некоем молодом тогда тверском священнике. Сей батюшка не умел завести нужные знакомства, не отличался деловой хваткой и практической жилкой, зато был способен делать добрые дела и совершать великодушные поступки. По этой причине храм его, который стоял на окраине Твери, активно посещался прихожанами, но был,

как бы это сказать, немножечко "в ремонте". Этот ремонт был вечный, бесконечный, вялотекущий: строительные леса вокруг этого храма не разбирались годами. Сам батюшка жил с семьёй на другом конце города в многоэтажке, но ежедневно ездил на своей "девятке" в свою маленькую церковь.

Как-то вечером, когда дети уже спали, а супруга на кухне мыла посуду, батюшка наш смотрел по телевизору новости. Среди прочих сообщений его поразила весть о кончине в швейцарском приюте одинокого старика — Дмитрия Набокова, единственного сына великого русского писателя Владимира Набокова. Почему-то батюшке стало пронзительно грустно от этой новости. Набоковым он не особо увлекался, но вот сыну его посочувствовал.

В какой-то непонятной Швейцарии чужие неправославные люди его отправят в печь и даже отпеля его там некому. Как же так!? Не порядок...

И вот, повинуясь какому-то душевному порыву, внутреннему чувству, наш батюшка встал с дивана, обличился в пальто и сообщил жене, что едет к себе в храм. По огромным, как артистические моря, тверским предвечесним лужам, он погнал на другой конец города. Приехав на место, он отомкнул запёртые двери храма, возжёт в нём свечи и принял в полном одиночестве служить панихиду по рабу Божьему Дмитрию. Служит он себе, служит, и вдруг кто-то тихо входит в храм. Батюшка видит в полутьме, что это человек молодой, седой, солидный, с рыжим кожаным портфелем. Гость жестами показывает: "Мол, батюшка, служите, как же так!..."

Так они вдвоём и провели по полному чину поминальную службу по сыну писателя Набокова — Дмитрию. Один священник, один прихожанин.

По завершении священник обратился к неожиданному гостю: "Здравствуйте! Чем могу помочь вам?" А тот, лет шестидесяти, коротко стриженный, хорошо одетый, отвечает: "Знаете, я тут мимо проезжал, а вечер такой неуютный, мокрый... Вдруг я вижу, среди этой непогоды окна вашего храма светятся золотым светом. Мне аж захотелось войти. Каюсь, редко мне приходится на службах бывать. А тут у меня такое чувство возникло, что я должен обязательно посетить ваш храм. Захожу и вижу удивительную картину: вы, батюшка, служите один!"

И так любопытно мне стало. Я решил с вами тоже постоять. И как-то, знаете ли, потеплело на душе... Вообще-то, я по призванию — коллекционер, коллекционирую гоночные машины. И вот сейчас ехал как раз покупать очередное гоночное авто. Но, постояв здесь с вами, я вдруг подумал, что хватит с меня уже этих машин. Сколько можно! Лучше пожертвую я на ваш храм денежку. Как раз ремонт завершите..."

Сказал и протягивает батюшке портфель, который при нём был. Батюшка принимает портфель и говорит: "Спаси Бог! Как вас величать? Как помянуть в записках?"

А гость отвечает: "Да, вы знаете, отец, наверное, не надо меня помянуть. Просто потратите деньги на хорошие дела. Доброго вам здоровья!"

Сказав это, человек вышел на улицу, а затем сел за руль огромного чёрного внедорожника и нажал педаль газа. Гигантский джип с рёвом ринулся через ледяные лужи и пропал во мраке февральской ночи.

Батюшка перекрестил его напоследок, пожал плечами, вернулся в храм и

открыл портфель. Портфель, как в голливудских фильмах, был плотно набит тугими пачками стодолларовых банкнот. С первого же взгляда было ясно, что здесь какая-то немислимая, огромная сумма, равную которой наш батюшка и в руках никогда не держал. Первая мысль была такая: "Здесь какой-то обман, провокация, подстава! Сейчас ворвутся бандиты и затребуют якобы недостающую часть денег..." Время шло, нимбы на иконах светились, свечи догорали в кандилах, тишина.

Видяв ещё время, наш батюшка задул свечи, взял портфель и запер храм. Портфель засунул под сиденье "девятки", а приехав домой, спрятал его под диван.

Затем он прилёг на этот самый диван, снова включил телевизор. А в этом телевизоре вечная шарманка крутится, снова новости, новости, новости... Среди прочего сообщали опять, что в Швейцарии умер сын писателя Набокова Дмитрий... И вдруг репортёр неожиданно добавил: "У Дмитрия Набокова было редкое хобби. В молодости он был автогонщиком..."

СТАНИСЛАВСКИЙ

"Театр, актёры, перевоплощение..." Хотя я совершенно не театрал, почему-то эти темы меня волнуют.

Как известно, Константин Станиславский придумал иной театр, которого не было ни до, ни после. И, поскольку Станиславский был теоретиком, то он все нам подробно объяснял, назвав свой театр "театром переживания". В то время как весь остальной театр он, вполне справедливо, называл "театром представления". То есть, обильный театр являет собой разряд некоего шоу, обращённого непосредственно к залу. Актёр здесь вполне может игри-во подмигнуть зрителю, или в прыжке дать самому себе пинка, чем вызвать хохот у публики. Станиславский ввел такое понятие как "чвёрвёртая стена". По Станиславскому, для его актёров никакого зрительного зала не существует — там должна быть просто стена. Актёр должен играть не для публики, а исключительно для себя и своего партнёра. Константин Сергеевич как-то умело объяснил этот метод своей труппе, отчего спектакли получились невообразимо сильными и прекрасными. Двоюродная сестра моей бабушки Вера Ивановна Грушенкова, дама 1898 года рождения, часто посещала театр Станиславского.

Мне было лет четырнадцать, и я уже что-то слышал про Станиславского. "Тетя Вера, расскажи, что особенного во МХАТе? Почему его так превозносят?" Она мне говорит: "Представляешь себе пьесу "Дни Трубных"? Там есть сцена, когда Владимир Тальберг трусливо бежит из Киева, бросая свою жену Елену на произвол судьбы... И этот момент выпукло выражен в ходе светлого объяснения Тальберга со своей супругой. Подлый, скользкий, омерзительный тип бросает свою жену на растерзание петлюровцам, фактически передает ее в похотливые лапы Шеринского. Острый запах совершенно человеческого предательства бьет в нос как наштавы. В момент объяснения на сцене появляется Алексей Турбин и становится между Еленой и Владимиром, как бы прикрывая сестру. Своей спокойной уверенной мужской силой он закрывает вопрос с Тальбергом и дает понять, что отныне ответственность за Елену лежит исключительно на нем. Эта сцена была очень сильной.

Я помню свои чувства. Чувство гордости за этого благородного, сильного духом человека. Уважение к Турбину у многих в зале вызвало слезы..." Внимательно выслушав Веру Ивановну, я отправился ловить рыбу на спиннинг и на многие годы забыл об этом разговоре.

Через десять лет, когда я молодым человеком в обществе красивой девушки посетил спектакль "Дни Трубных", мне не вспомнились слова Веры Ивановны.

Теперь прошла бездна времени и с одного, и со второго эпизода. И вот что выяснилось: мое посещение спектакля тоже оставило след. Я кое-что запомнил. Это была сцена смерти Алексея Турбина на лестнице артиллерийского училища. На полупетимой сцене стояла эта самая лестница, вокруг мерцали вспышки молний и слышен был грохот от взрывающихся снарядов. Алексей Турбин стоит на лестнице и вдруг... взрыв, вспышка и он, как подкошенный, летит вниз, ударяясь затылком о ступени, а затем под грохот барабанов его блестящие хромовые сапоги дергаются в конвульсиях, символизируя наступившую смерть. Это было потрясающе! Такое мастерство в изображении бесчувственного тела, такая выучка... Уже сейчас, спустя много лет, я преклоняюсь перед этим актером, его трудолюбием и способностью так умело слететь с лестницы и изображать смерть. Для того, чтобы показать подобное, требуется огромное количество усилий, десятки репетиций. Но в целом, следует отметить, что это трюк. Это цирк! Совершенно другое впечатление от спектакля получила Вера Ивановна. Она вспоминала сложную психологическую коллизию и чувство гордости за Человека с большой буквы. Я же вспомнил прекрасно поставленный и исполненный цирковой трюк.

Станиславский написал уйму текстов и разработал аж целую систему для своих актёров. Эту систему учат школяры в театральных вузах, но тайна МХАТа утеряна, увы. По факту никто не может применить ее на практике и добиться того магического эффекта, который заставлял людей в старом МХАТе рыдать и сопереживать. Некоторые из них падали в обморок: как известно, в былые времена у здания МХАТа постоянно дежурили две кареты "Скорой помощи". Те, кто был на спектаклях, говорили, что это была "подлинная жизнь". Да, Станиславский оставил огромное количество текстов. Но эти тексты, как и труды алхимиков, не помогут создать философский камень... Сколько их не читай — направо-налево, сколько не смотри их напросвет — огненный флюид не явится из пустоты. Поскольку нужен самый главный компонент — сам маг, который всё это создаёт и направляет. Станиславский умер, но некоторое время на сцене играли его актёры, и волшебство продолжалось. А потом умерли все его актёры, и магия пропала. Ножи, топоры, кофейники и вилки, висевшие в воздухе, вдруг попадали. Кто-то потом придумал подшеивать эти предметы на тоненьких ниточках, но это все не то...

Станиславский был магом. Но и Сталин был магом. И когда Сталин ушёл, какое-то время магия держалась. Но когда в июле 1991-го года умер нарком Каганович, советская магия исчезла, стала воспоминанием. Наверное, нам всем следует ждать нового мага, который непременно явится и снова поставит на подмостках истории новую потрясающую пьесу.

С М О Т Р И Т Е Л Е К А Н А Л «Д Е Н Ъ»

Газета "ЗАВТРА" зарегистрирована Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство ПИ № ФС 77-22122 от 24 октября 2005 года. Учредитель и издатель — ООО "Редакция газеты-еженедельника "Завтра" (119146, г.Москва, Фрунзенская наб., 18, пом. VII).

Адрес редакции: 119146, г. Москва, Фрунзенская наб., 18, пом. VII. E-mail: zavtra@zavtra.ru Электронная версия: <http://zavtra.ru/> Служба распространения: (499) 246-88-52 (т/ф). Служба рекламы: (903) 131-53-97. Отпечатано в АО "Красная Звезда" (125284, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38, тел.: (495) 941-32-09, (495) 941-34-72, (495) 941-31-62, <http://www.redstarprint.ru>, e-mail: kr_zvezda@mail.ru).

Главный редактор — Александр ПРОХАНОВ
Ответственный секретарь — Наталья КЕРИМОВА